

Имя журналиста Петра Лидова (19 ноября 1906 – 22 июня 1944) яркой строкой вошло в летопись Великой Отечественной войны. Он стал военкором «Правды» с первого же дня войны и на страницах центральной газеты запечатлел массовый героизм советских воинов, величие подвига народного. Он встретил войну, будучи собственным корреспондентом «Правды» по Белорусской ССР, и оттуда сообщил в «Правду» свою первую фронтовую корреспонденцию. Ему довелось первому написать в «Правде» о подвиге юной партизанки Зои Космодемьянской, имя которой стало легендой. День за днем он вел фронтовые дневники, мечтал написать книгу о войне. Сегодня мы расскажем о них и об их авторе.

* * *

Петр Лидов прошел большую жизненную и журналистскую школу. Комсомолец 20-х годов, в 1928 году он стал коммунистом. Работал на заводе токарем, мастером, затем был редактором газеты «Мартеновка» московского завода «Серп и молот». С 1937 года и до последнего своего дня он оставался правдистом.

Петр Лидов много ездил по стране. С удостоверением «Правды» он в предвоенные годы был командирован в западные области Белоруссии. Его материалы отмечались редколлегией «Правды» в числе лучших.

И вот памятная весна 1941 года. Получено новое назначение в Минск на собкоровскую работу. В столицу Белоруссии Лидов приехал в марте. Весна в тот год запаздывала, было холодно, вопреки календарю еще бушевали вьюги.

Вскоре состоялась встреча Петра Лидова с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймоном Кондратьевичем Пономаренко.

Беседовали больше часа. Пономаренко увлеченно говорил о будущем Белоруссии, об осушении болот, о лесохимии, о том, что республика станет индустриальной.

Запомнились слова, сказанные им на прощание: «Вы непременно полюбите Белоруссию, ее замечательных людей».

В качестве корреспондента «Правды» Петр Лидов знакомился с жизнью республики. Побывал в Белостоке и Бресте. Впервые в Бресте он был в октябре 1939 года во время пятимесячной редакционной командировки в Западную Белоруссию. И вот снова встреча с этим городом-крепостью. Весна здесь началась в тот год раньше, чем в Минске. Было много солнца, дул свежий теплый ветер, распускались деревья. Вернувшись в Минск, начал обживать, познакомился с коллегами по журналистскому корпусу, приобрел новых друзей.

Приехала жена с детьми. Запомнился последний мирный вечер 21 июня 1941 года. Вместе с женой Петр Лидов побывал в театре. Вечером шли домой по освещенному веселому Минску. Было тихо и тепло, яркие звезды светили с черного неба. Где-то играла музыка.

Было вместе с тем и тревожно на сердце. В воздухе давно уже пахло военной грозой, газеты и радио приносили тревожные вести. Но все как-то не верилось, что эта мирная жизнь так скоро оборвется. В тот памятный день, казалось, ничто не предвещало беды. — Мне трудно рассказывать, — говорит Галина Яковлевна Лидова. — Начинаешь вспоминать — и комок к горлу подходит. Вот уже более четырех десятилетий прошло с той поры, а видится все так, словно это было вчера. [74]

Вы почитайте его дневники, — с этими словами Галина Яковлевна Лидова достает объемистую папку с пожелтевшими от времени страницами, заполненными мелким, убористым почерком. Заметки писались на разрозненных клочках бумаги, потом в минуты затишья переносились в общую тетрадь. В записях встречается немало сокращенных слов, чувствовалось, что делались они на ходу, второпях, по следам горячих событий и тут уж некогда было думать о тщательной литературной обработке. Петр Александрович заносил в дневники со всеми подробностями то, что видел и пережил сам, чему был свидетелем. А пережить пришлось, ох, как много, особенно в первые, самые трудные и трагические дни войны. Но и в том тяжелейшем 1941 году героизм сражавшихся и павших закладывал фундамент нашей великой Победы. Теперь страницы фронтовых дневников Петра Лидова стали документами времени. В них столько правды и мужества, что читать их без волнения невозможно.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОИНЫ

Утром я еще лежал в постели, а дети уже торопили. Было решено, что сегодня поедем за город, на открытие созданного в Минске искусственного озера. Обсуждались обычные для таких случаев вопросы: кому что надеть, брать ли детское одеяло, будут ли там продавать напитки.

Зазвонил телефон. Говорил секретарь редакции «Правды» из Москвы. Он был, судя по голосу, чем-то возбужден.

— Будь в готовности, может быть, придется выехать в Брест, где ты недавно был. Я надел гимнастерку и сапоги, сунул в карман деньги и, не пивши чаю, ушел. Жене сказал: «Может быть, уеду. Не беспокойся».

Город с утра был спокоен. Люди двигались к паркам и за город. В приемной первого секретаря ЦК сидели несколько человек. Меня сразу впустили в кабинет Пономаренко.

— Война, — сказал он. — Дерутся на нашей территории. Фашисты перешли границу, бомбили Брест, Белосток, самолеты прорываются к Барановичам.

Вошел председатель Совнаркома Былинский. Я представился. Попросил дать мне машину. Он тотчас распорядился выделить мне автомобиль. Потом мы остались с Пономаренко одни в его большом, тихом и светлом кабинете. Оба старались быть спокойными.

Вскоре Пономаренко уехал в Военный совет. Я же поехал домой, а потом в редакцию «Красноармейской правды». Никто ничего еще толком не знал о войне. Только что уехали на фронт в 4-ю и 10-ю армии корреспонденты Гроховский и Шостак. Передавали, что пограничники как львы дрались на улицах Бреста. Сделав записи, я поехал по заводам. Во дворе одного из них был большой митинг, я записывал речи, фотографировал и получил резолюцию. Потом поехал в штаб округа. Добился пропуска к начальнику политуправления дивизионному комиссару Д. А. Лестеву. Журналисты, бывшие на финской войне, рассказывали о нем как о душевном, отзывчивом человеке, всегда охотно помогавшем газетчикам. Лестев был удивительно прост, говорил со мной откровенно, как со старым знакомым. Смеркалось. Во дворе штаба на каждом шагу стояли часовые. В воздухе кружились истребители и висел аэростат заграждения. Я быстро написал первую корреспонденцию о войне и тут же передал ее по телефону. Корреспонденция эта была напечатана 24 июня в «Правде» на первой странице. Шел второй день войны. На улицах полно народа. Объявлялись частые воздушные тревоги. Утром за мной пришла машина с шофером Б. Ф. Ивкиной. Коммунистка, боевая женщина, готова в огонь и воду. Узнаю, что утром вражеские истребители обстреляли минский аэродром и мирных жителей на шоссе у самого города. Есть раненые. Все время из ПВО поступают сведения о том, что самолеты противника стремятся прорваться к Минску. Выходим на балкон, глядим вверх, но, кроме наших истребителей, ничего не видим. Около полудня вышел за чем-то на улицу и услышал серию сильных, гулких взрывов. Бомбы! В прозрачном голубом небе десятки серебристых бомбардировщиков. Они летят очень правильным и четким строем, разворачиваясь над городом где-то в районе вокзала. Запомнился звук их моторов — какой-то звенящий, наглый, вызывающий. Вот их нагоняют истребители. Фашисты продолжают [75] идти, не меняя курса и строя. Задний самолет из вражеской девятки падает вниз. Остальные немедленно удаляются. Выходим во двор и снова видим в воздухе самолеты. Передаю материал в Москву для «Правды».

24 июня 1941 г. В 8 часов встал и отпустил шофера на час домой. Жена приготовила завтрак.

Садимся за стол... Сильный гул моторов прерывает разговор. Бросаемся к открытому окну. Высоко в небе прямо на нас идет целая армада бомбардировщиков. Светлана (дочь Лидовых. — А. С.) считает и успевает насчитать 27. Слышна стрельба зениток. — В подвал!

Я спокоен, вероятно, потому, что еще не знаю, что такое бомбежка. Раздается свист страшной силы, скрежущий, воющий свист. Взрывы где-то близко, один, другой, третий — много взрывов. В комнату врывается буря, распаивается дверь, и я отчетливо ощущаю, как шатается весь семиэтажный дом, как качается шкаф, кровать. Потом все проходит, и взрывы слышны где-то далеко.

За окном — асфальт и мостовая, покрытые слоем земли, щебня и стекла. Деревья расщеплены. Каменные ворота нашего дома разбиты, возле них упала бомба. Другая воронка — посреди улицы.

Спускаюсь в подвал, где теперь все жильцы и служащие гостиницы, обнимаю своих ребят. Стараюсь ободрить приунывших женщин.

Шофер Ивкина с машиной была уже у подъезда. На улице несколько неглубоких воронок, битое стекло и спутанные провода. Тушат пожар, несут раненого.

С женой и детьми выходим из гостиницы. «Зачем это улицу посыпали землей?» — по-детски наивно спросила Света. Я обнял ее и прижал к себе. Мне не хотелось, чтобы она видела ужасы бомбардировки.

И мы снова в довольно надежном подвале... В конце его находится своего рода оперативный штаб.

Видимо, повреждена телефонная станция. Все же удастся добиться связи с Москвой. Набрасываю небольшую записку. Заканчиваю ее обращением минчан к москвичам. Проходит еще несколько томительных минут. Беру в карман пистолет, патроны, потом сажусь в машину.

Полночь. Идет дождь. По ночным улицам идут люди. Много людей. Как ручейки, бегущие с горы, они устремляются в одно русло — к выходу на Могилевское шоссе. По обеим сторонам шоссе люди движутся двумя плотными сплошными потоками. На руках у матерей, на плечах у отцов — дети. Некоторые везут их в колясках, иные ведут совсем маленьких за руку. Ведут за собой также коз, коров. В руках и на спине каждый несет то, что первое попало под руку. Некоторые везут свои пожитки на двуколках. Медленно обгоняют толпу грузовики. Их осаждают, просят подвезти, цепляются сзади, падают. Некоторые грузовики до предела набиты людьми. Город уже позади, а непрерывная толпа людей не редет. Не успевает проехать автомобиль, как она снова смыкается. Навстречу в этом узком проходе показывается полутоннажный грузовик с людьми. Наш шофер тормозит, но машина продолжает идти юзом по мокрому асфальту. Столкновение. Нас выносит на обочину. Снесена облицовка радиатора, порваны шланги, вытекла вода. Потихоньку двигаемся дальше без воды. Отъехав несколько километров, останавливаемся у моста, и я спускаюсь с ведром к ручью. Чинились около двух часов.

Мы смотрели на группы людей, непрерывно возникавших из тьмы, они проходили мимо, шлепая по лужам, и тотчас снова исчезали во мгле ночи. Они в пути уже

несколько часов. Шли теперь неторопливо и говорили об обыденных житейских вещах, словно опасность уже миновала и ужасы вчерашнего дня остались где-то позади. Запад был озарен багровым заревом Минска, а на востоке занималась утренняя заря.

25 июня 1941 г. С утра фашистские самолеты снова бомбили и поливали пулеметным огнем дороги на восток, забитые потоками людей.

...В Могилеве в это утро было спокойно. Война докатилась лишь в виде множества автомобилей из Минска, Барановичей, Вильно, Ковно, Белостока и Бреста. В Могилеве находилось правительство Белоруссии и штаб округа. Сегодня я впервые услышал о героизме и трагедии Бреста, но прежде чем рассказать об этом, хотелось бы привести запись из дневника одного из многих немецких дневников, побывавших у меня в руках за время войны. Дневник принадлежал унтер-офицеру, взятому в плен под Смоленском. 21 июня, [76] находясь под Брестом, по другую сторону Буга, он записал: «Я смотрю на эту цветущую и мирную страну, которая начинается на том берегу реки. Завтра она будет превращена в ад. Русские еще ничего не подозревают».

22 июня в 4 часа фашисты из всех орудий открыли огонь по Бресту. По крепости били прямой наводкой с короткой дистанции. Было воскресенье, и подъем в гарнизоне должен был быть позднее обычного. Из-за Буга полетели снаряды и пули. Одному из командиров удалось сколотить группу бойцов, и он повел ее к казарме, чтобы спасти полковое знамя и оружие. Когда эта группа приблизилась к казарме, в здание попал тяжелый снаряд. Казарма обрушилась, и из окон ее показалось пламя. Тогда было отдано приказание бежать к домам, где находились семьи командного состава, спасать женщин и детей. Не успели добежать сюда, как эти здания стали на глазах раскалываться и рушиться под градом снарядов... Над городом появились бомбардировщики, повсюду рвались бомбы...

Накануне приехал в Брест провести свой подшефный театр М. М. Тарханов с сыном. В Минске его судьба вызвала в эти дни большую тревогу. Но, как выяснилось позже, в момент нападения гитлеровцев на Брест о нем не забыли, дали ему машину, и он, правда, под непрекращавшейся бомбежкой, но все же благополучно доехал до Пинска, а потом добрался и до Москвы.

Наши отряды тем временем отходили под давлением противника по дороге на Барановичи. На рубежах Кобрин и Картуз-Береза были сделаны попытки организовать оборону. Из Картуз-Березы удалось вышибить передовые немецкие части и на какое-то время задержать наступление гитлеровцев. Уже в первые дни войны наши войска старались самоотверженно сдерживать врага. Так, часть 4-й армии вела упорные бои. Это были те люди, которым довелось повстречаться с волевыми и мужественными командирами и стать под их команду. Одним из таких командиров оказался генерал Поветкин. Он сколотил из отступавших отряд и вел бои от Кобрина до Бобруйска,

удачно организовал под Бобруйском силами своего отряда и курсантов Бобруйского автотракторного училища оборону на восточном берегу Березины, сам водил бойцов в контратаки, был тяжело ранен, уничтожил немало фашистов и задержал на несколько дней продвижение противника. Бойцы, участвовавшие в Бобруйской обороне под началом Поветкина, с восторгом рассказывали мне потом об этом генерале. В Могилеве я нашел жену и детей. Они тоже двигались всю ночь. Пасмурный и холодный день быстро разгулялся. Засветило яркое солнце. Ничто не напоминало о войне и об опасности. В лесу за Могилевом, где мы остановились на отдых, к нам подошел пастух и меланхолично предупредил, что не следует далеко отходить от дороги, так как здесь водятся волки. Что же касается войны, то он о ней что-то слышал, но точно ничего не знал. Следующую остановку мы сделали в Довске, потом я дал Ивкиной поспать и вел машину до Пропойска сам (ныне г. Славгород Могилевской области. — А. С.). Пришел в райком. Моему появлению рады, пришлось рассказывать все, что знал о первых днях войны, о судьбе Минска, о положении в Могилеве. Вез с собой сверток с документами подбитого под Минском фашистского летчика. Я решил сделать перевод документов и писем, чтобы потом написать корреспонденцию в «Правду».

15 июля 1941 г. Остановились на ночлег. Всю ночь страдали от комаров. Спали на земле, завернувшись в шинели, накинув на лица носовые платки и упрятав в рукава кисти рук, опустив на уши свои пилотки. И все же комары ухитрились добираться до тела и кусали. Мы проклинали их, начинали курить и пускали дым под свои покровы. Ехали по полянам среди живописных перелесков по высокой пахучей, еще никем не тронутой траве, обогнули озерко и снова повернули в лес. Здесь в нескольких десятках метрах от опушки была прогалина и посреди нее росли три березы. Вокруг этой поляны и решено было раскинуть лагерь. Съели по куску хлеба. Вскоре повстречал поэта Алексея Суркова и фотокорреспондента «Правды» Михаила Калашникова. В горкоме партии неожиданно для себя встретил П. К. Пономаренко. Он предложил мне отправиться с ним.

Пономаренко рассказал несколько эпизодов, в частности, о том, как партизанский отряд захватил и три дня удерживал город Слуцк. Разгоралось партизанское движение в Белоруссии, но партизаны могли делать значительно [77] больше того, что делают.

Пономаренко ходил по комнате, вытирал пот со лба и курил. Потом сказал:

— Нужно ехать в Гомель и самому взяться за дело. Поедешь со мной?

Мы тут же вынули карту и стали выбирать ближайший путь. Дорога была скверная, в одном месте при переправе через ручей машина застряла. Здесь дежурил тягач, и капитан командовал операциями по буксировке застрявших автомобилей. Машин шло множество, они поднимали густую пыль. Сплошная завеса пыли стояла на протяжении

всех 30 километров пути и служила прекрасным ориентиром для воздушных разведчиков.

Рассказал Пономаренко о генерале Поветкине, сколотившем отряд и с боями отступавшем от Бреста. Этот рассказ живо заинтересовал Пономаренко. Он записал фамилию генерала в книжку и попросил еще раз повторить, как отзываются о нем бойцы.

ПОДВИГ В НЕБЕ

В дневнике Петра Лидова есть страницы о человеке из легенды — Андрее Степановиче Данилове, одном из первых героев Великой Отечественной, таранивших вражеские самолеты в приграничном сражении. Летчика считали погибшим. Это о нем 9 июля 1941 года в передовой статье «Крылатые герои Отечественной войны» «Красная звезда» писала: «Андрей Данилов погиб смертью храбрых».

Но нет, не погиб отважный летчик! О том, как все это было, записки майора Лидова. ...Было это на командном пункте истребительного полка. Прохладный ветер заставил нас спуститься в землянку, и к столу мы сели, накинув на плечи шинели.

Тут-то командир части подполковник Андрей Степанович Данилов и начал свой рассказ. Воспоминания охватывали его все с большей силой, глаза заблестели лихорадочным огоньком, он часто курил и не притронулся к ужину.

— Весной 1941 года наш полк стоял в местечке Скидель, близ Гродно. Летали мы на «чайках» — так называли двухплоскостной истребитель «И-15», который в то время служил у нас также и штурмовиком. В ночь на 22 июня моя эскадрилья была дежурной. Под утро, когда было еще темно, раздался сигнал тревоги. Мы выбежали к самолетам.

Тревоги у нас бывали нередко. Объявляли их либо для того, чтобы проверить готовность экипажей, либо тогда, когда германские самолеты, заблудившись или с целью разведки, нарушали границу. Внезапный вылет не удивил ни меня, ни моих пилотов. Командир полка сказал нам, что три «юнкерса» нарушили границу в районе Гродно.

И вот наша пятерка в воздухе. Идем к Гродно. Темно. Все ближе граница. Вижу: вдоль всей границы — огни. Обычно неуловимую с воздуха линию четко обозначили частые багровые вспышки. Нетрудно было догадаться — бьет артиллерия. «Что же это, — подумал я, — война? А если нет — то что?» Но ничего иного придумать не мог и решил на свой страх и риск поступать, как на войне.

Над окраиной города, на фоне чуть посветлевшего предзакатного неба, я увидел синеватые огоньки выхлопов и силуэты германских бомбардировщиков «Юнкерс-88». Решение созрело мгновенно: атаковать! Я повалился на головную машину сверху и с

первой же атаки, не задумываясь, а скорее повинувшись какому-то инстинкту борьбы, подстрелил ее. «Юнкерс» лег на обратный курс. Идя почти у самой земли и оставляя за собой раструб маслянисто-черного дыма, изо всех сил стремился дотянуть до границы. Я старался не выпускать это черное пятно из своего прицела, как вдруг оно исчезло, и я понял, что вражеский самолет врезался в землю и находится теперь уже где-то позади. Мне ничего не оставалось делать, как набрать высоту и взять курс на свой аэродром.

Солнце еще не всходило, когда я и мои товарищи почти одновременно приземлились в Скиделе. Я узнал, что они сбили еще два «юнкерса», и доложил об этом командиру полка. Командир с минуту помолчал, овладев собой, спокойно и даже, как мне показалось, с подчеркнутой неторопливостью приказал вылетать снова, на этот раз семеркой.

Новая встреча с противником произошла тотчас же, как мы появились над городом. Три «мессершмитта» атаковали мою пару сверху, но почти в тот же миг пара «чаек», находившаяся, выше меня, в свою очередь, пикировала на вражеские истребители и стала прижимать их книзу. Несколько секунд я следил за «мессершмиттами», и мне показалось даже, что одного из них вот-вот вгонят в Неман где-то между городским и железнодорожным мостами. [78]

Затем стал глядеть перед собой и увидел еще одну вражескую машину. Противник, видимо, тоже заметил меня. Он перешел в почти отвесное пикирование, и тут я увидел, что машина двухфюзеляжная — «фокке-вульф», или, как ее стали потом у нас называть, «рама». Это был разведчик, его-то и сопровождала напавшая на меня тройка «мессеров».

Даю ручку от себя, жму на газ, иду за «рамой» с крутым снижением при полных оборотах мотора. Скорость сумасшедшая, от завихрения в кабине смерч, воздух разрежен и пыль с мусором из-под ног бьет прямо в лицо. У самой земли вражеский летчик выравнивает свой аппарат, то же делаю и я. Он тянет к границе, я — за ним. Нервничаю, сердце колотится, перехватывает дыхание. Не свожу глаз с фашистских черных крестов и даю несколько коротких очередей. И вдруг «рама» теряет скорость, я едва успеваю отвернуть, чтобы не врезаться ей в хвост. Оборачиваюсь и вижу, как «фокке-вульф» рассыпается над хорошо знакомой деревней Крапивно.

Первая мысль, которая мне тогда пришла в голову, шла еще от представлений мирного времени: врежется в дом — отвечать буду я. Закладываю вираж и вижу, как «рама» падает на дорогу и как ее остатки охватывает пламя. Продолжаю кружить и наслаждаться зрелищем своей победы и тут замечаю, что я не один. Надо мной делает вираж Дерюгин, мой вдовый. Машу ему рукой: «За мной!»

Подходим к Скиделю и видим, что наш аэродром задернут дымом. Вскоре сквозь дым стали видны огни пожаров и фонтаны взлетающей кверху земли. Бомбят!

Я не отрываю глаз от аэродрома и не замечаю, что навстречу нам идут три «юнкерса» и «Мессершмитт-110». Чтобы привлечь к ним мое внимание, Дерюгин выскакивает вперед и покачивает крыльями. Раздумывать некогда. Беру на себя «мессершмитт», иду на него в три четверти. Навожу пулемет и начинаю бить короткими очередями, чтобы он отвернул от моих трасс и подставил борт. Этот прием удается, и немец сворачивает. Тут я «сую» ему длинную. Истребитель валится на нос, а рядом с ним раскрывается купол парашюта.

Разворачиваюсь, догоняю Дерюгина и вижу: в воздухе 24 «Дорнье-217», и Дерюгин, набирая высоту, идет против них в атаку!

Ору в кабине, что есть мочи, хотя и сам себя не слышу: «Лешка, елки-палки», — и за ним.

Он уже одного поджег, я бросаюсь на следующего в лобовую, выпускаю очередь, отворачиваю — и за третьим. И гитлеровцы — кто вправо, кто влево, кто вверх, кто вниз. У меня один задымил и — в спираль.

Прочесали эту группу. Дерюгин сбил двух, я — одного. И вот возле нас уже девятка «мессеров». Даю хорошую очередь с большой дистанции, веером, почти наугад. Один задымил, задымил и — пошел! Но тут дали и мне, пошел и я в штопор. Когда вывел, вижу: левая плоскость ободрана, перкаль болтается, ребра наружу. Машина слушается плохо. С трудом заложил мелкий вираж вправо, держусь кое-как.

А «мессеры» тем временем стали в круг да и взяли меня, голубчика. Лупят по очереди, кругом огонь, дым, следами от трассирующих пуль все, как сеткой, затянуло. «Вот теперь, думаю, погиб».

Снаряд нижнюю плоскость пробил, пуля в сухожилие левой руки попала, все лицо в мелких осколках, реглан искромсан... Верчусь, как куропатка, а поделывать ничего не могу.

Гляжу: один красиво так на меня заходит. И вижу свою смерть. Теперь уже все равно — таран так таран! Он в пике, а я задираю нос к нему и, не целясь, нажимаю на гашетку. Он и посыпался. Падает, струя дыма от него все толще и толще — и я рядом, в нескольких метрах от него, падаю.

«Мессер» стукнулся оземь и сгорел, моя «чайка», подбитая, кое-как вывернулась. Своих не вижу никого, а фашистов кругом полно, бьют по мне. Чувствую удар в живот — будто снарядом. Вижу только лес, опушку, рожь... Мысль вдруг усиленно заработала, воспоминания всякие нахлынули, а в глазах темнеет и круги появляются. Решаю: теперь уже, наверное, убит. Рука натывается на что-то мокрое...

Лежу во ржи, надо мной «мессер» проходит, и я ему кулак показываю. Взглянул на часы — они идут. Думаю себе: всего пять часов утра, а я уже отвоевался... «Мессер» тем временем возвращается и нацеливается на меня. Хочу отбежать, а нога не действует. И слышу в эту минуту голос: «Давай сюда, давай сюда!»

Оказалось, недалеко от меня, в яме, прячась от бомбежки и обстрела, сидели четыре женщины и пятеро детей. Одна из этих женщин, Степанида Степановна Гурвик из села [79]Черлены, и кричала мне: «Давай сюда!» Она взяла меня к себе домой, перевязала, кормила и от диверсантов скрывала, и к своим потом переправила.

...В землянку вошла официантка, собрала тарелки и спросила, подать ли чаю.

— Выпейте, — сказал Андрей Степанович, — а мне что-то не хочется.

Он взял новую папиросу, и я заметил, как спичка задрожала в его пальцах. Я тоже поежился и запахнул шинель. Ночь обещала быть холодной.

— Вот возьмем Гродно — слетаем к Степаниде Степановне в гости, согласны?

Конечно, ответил согласиём.

На этом записки Петра Лидова обрываются. Как же сложилась дальнейшая судьба отважного летчика? Жив ли он?

Запросил я Управление кадров Военно-Воздушных Сил. Оттуда ответили: да, числится такой. Все сходится: фамилия, имя, отчество. И тут же подсказали адрес: город Аткарск Саратовской области. Позвонили туда.

— Есть такой, — четко, по-военному деловито отвечает горвоенком подполковник Эдуард Иванович Будин. — Наш активист, ветеран войны, гвардии подполковник в отставке, уважаемый в городе человек, отметили его семидесятилетие. Живет в доме по улице Коммунистической...

И вот мы разговариваем с живым героем очерка Петра Лидова, знакомим летчика-ветерана с записью его рассказа.

От волнения Андрей Степанович Данилов какое-то время молчит, словно заново переживая то грозное время, а потом в раздумье произносит:

— Да, все так и было. Помню и первый этот свой воздушный бой, ставший памятным на всю жизнь, и те страшные минуты, когда ранним июньским утром зловеще блеснули первые зарницы, превратившиеся в лавину артиллерийских залпов, забушевавших на всей западной границе. Тогда не было на самолетах радики, и не мог я знать, что началась война, но знал твердо, что нужно уничтожить врага, посягнувшего на священные рубежи Отчизны. И вступил в неравный бой. Четыре с лишним десятилетия прошло с той поры, а видится все так, словно это было вчера.

Бывалый летчик помнит и то, как он был ранен в том бою, и, чувствуя, что силы его покидают, пошел на вынужденную посадку, как каким-то чудом сумел вылезти из машины, которая, так же как и он сам, была изранена — и на крыльях, и на фюзеляже зияли пробоины.

Андрей Степанович с теплотой вспоминает своих спасителей. Он и по сей день переписывается с бывшим фельдшером понтонного батальона Ниной Николаевной Горюновой, которая вместе со Степанидой Степановной Гурвик оказала ему первую медицинскую помощь. Потом госпиталь, и снова встал в строй отважный воздушный

боец — был назначен комиссаром вновь сформированного авиаполка. Сражался на Ленинградском, Волховском, Западном фронтах...

К первому боевому ордену Ленина в годы войны добавились новые: ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, многие медали и в их числе «За отвагу». На груди бывшего летчика знак «50 лет пребывания в КПСС», медаль «За трудовую доблесть».

— А военкора Петра Лидова хорошо помню, — говорит ветеран войны. — Он тогда к нам вместе с Александром Твардовским приезжал, и ночевали они в землянке. Долго мы говорили в ту памятную ночь с Лидовым, и не думал я, что эта встреча с ним окажется последней. Так и не довелось ему побывать снова в тех краях. Хороший он был человек.

НА РАЗНЫХ ФРОНТАХ

И снова дневниковые записи Петра Лидова. Галина Яковлевна достает пожелтевший от времени листок фронтового письма с обратным адресом полевой почты, датированного 14 декабря 1942 года.

«Дорогие, родные мои!

Пишу вам с родины героев «Тихого Дона», где застала меня зима и где встречаю день своего рождения и, видимо, Новый год. Казаки — самые сердечные, добрые люди, которых пришлось встретить за время войны на разных фронтах. Это сейчас единственное утешение в нашей тяжелой жизни. (Мы здесь с Алексеем Сурковым, Михаилом Сиволобовым, Александром Устиновым.) Я все время в пути, каждый день в новой части. Мои валенки и полушубок остались в Москве, куда я вряд ли скоро попаду. Сапоги разваливаются. Погода здесь меняется каждый день. Я пишу эти строки на передовой, вчера приехали сюда [80] с Сурковым в резкий мороз, а сегодня — оттепель. Нам с А. А. Сурковым обещали здесь валенки.

Родные! Помните меня, будьте мысленно со мной, как я с вами.

Горячо любящий вас муж и отец».

Петр Лидов часто писал семье с фронта.

«Надеюсь, скоро увидимся, а пока, как мне кажется, я еще не заработал права уехать в тыл», — читаем мы в другом письме.

Военный журналист писал для «Правды» обо всем виденном и пережитом, а когда выпадало время, садился за дневники.

— Это, Галя, сама история, — не раз говорил Лидов жене. И мечтал довести свой дневник до Дня Победы.

Читаешь его строки и представляешь, каким был Петр Лидов, каким его запомнили современники. Вот одна из записей:

«На фронте все журналисты равны и все поставлены в почти одинаковые условия. Но всегда выделяется кто-то один — то ли своей смелостью, то ли своей осмотрительностью, то ли умением быстро ориентироваться в обстановке. И тогда этот человек становится неофициальной главой журналистского корпуса. Таким главой был у нас на Западном фронте Лидов. В момент прорыва немецких войск у Вязьмы журналисты находились на командном пункте. Это были тяжелые, я бы даже сказал, необычайно тяжелые дни войны. Командный пункт подвергался непрерывным налетам авиации. В этих условиях в журналистском корпусе держалась железная дисциплина. Ее установил Лидов. Малейшая растерянность могла погубить человека. Лидов это понимал. Он сам разработал маршруты движения и поездок корреспондентов в зависимости от многих условий. Он учел все возможные неожиданности. Многим эта дисциплина спасла жизнь».

«Я видел Истру, Юхнов и Вязьму, — читаем в дневнике. — Стены их домов стоят подобно монументам, на которых копотью пожаров и царапинами осколков высечен перечень преступлений фашизма. Как обличающие персты вперяются в небо трубы их печей», — делает Лидов запись в дневнике.

Тогда же на Вязьминском направлении он записал слова грустной, задумчивой песни, которую пели танкисты танковой части подполковника Дружи и слова которой он слышал впервые:

Лебедь благородный

В день Екатерины

пел, прощаясь с жизнью,

гимн свой лебединый.

А когда допел он,

на небо взглянувши,

И крылами сильно

слабыми взмахнувши,

В небо, как во время

оное бывало,

Он с земли рванулся —

и его не стало.

В высоте — и наземь

с высоты упал он,

И прекрасен мертвый

на хребте лежал он,

Широко расправив

крылья, как летящий,

В небеса вперя взор

уж негорящий.

Не совсем понятна в этом тексте первая строка, не известен ни автор этой песни, ни история ее создания. Мы ее даем в том варианте, как услышал военкор от танкистов. Страницы записей Лидова рассказывают о встречах журналиста с поэтом Алексеем Сурковым, о их совместном фронтовом житье-бытье, о чем упоминалось уже в письме. А вот еще некоторые подробности:

15 декабря 1942 г. Были у полковника — командира стрелковой дивизии. Скоро наступление. Алексей Сурков сказал, что нам следует побывать в районе главного удара. Нам удалось выехать в грузовике. Поздно вечером мы высадились в совершенно пустой, темной и холодной деревне Бычок. С трудом нашли избу с целыми стеклами. Сурков добыл дров, разломав забор, а я топил. Вскоре в комнате стало жарко. Мы улеглись.

16 декабря. Проснулись на рассвете. Наблюдали артподготовку. Прошли с Сурковым около 12 километров пешком. Началась бомбежка. В этот же день побывали в редакции армейской газеты «За нашу победу».

17 декабря. Мой день рождения. Начал писать корреспонденцию «Новое наступление на Дону». Вечером выехал в Калач. Остановка в Никольском. В нашу машину грузили раненных при бомбежке.

18 декабря. Приехал в Калач, дописал корреспонденцию и поздно вечером передал в Москву для «Правды».

25 декабря. Солнечный день. Мороз до 30 градусов. Вместе с Алексеем Сурковым уехал в Богучар. Корреспонденцию о боях за Миллерово на девяти страницах передал с трудом [81]из-за загрузки телеграфа. Москва приняла ее только в полночь...

Так день за днем вел Петр Лидов дневник войны. Тут же он делал записи для своих будущих корреспонденции, брал факты из фронтовой жизни по горячим следам событий.

Вот только два из них:

«...Комсомолка Мария Смирнова вынесла несколько раненых с оружием. При наступлении на высоту, когда рота залегла, она с возгласом «За Родину!» бросилась вперед, увлекла бойцов. Была ранена в плечо, но сделала себе перевязку и не покидала поле боя.

Парторг роты старший сержант Клименко Иван Родионович заменил убитого командира роты, во главе бойцов ворвался в траншеи. Был ранен, но продолжал руководить преследованием врага...»

Фронтовые эпизоды. Сколько их видел Петр Лидов на своем трудном военковском пути! Рядом с описаниями подвигов читаем: «Каждому свойственно чувство страха. Не будь его, не было бы и понятия храбрости. Герой не тот, кто не боится, а кто держит себя в руках и преодолевает страх, не выказывает его».

По отзывам людей, знавших Лидова, сила его журналистского дарования таилась именно в его умении о самых необычных, напряженных и даже трагических вещах писать спокойно. Он любил точность и аккуратность в каждой строке.

«Я считаю очерк литературным жанром. Очерк — это десерт в газете, так же как и всякий иной литературный жанр: стихи, повести... А мы иногда хотим накормить читателя обедом, наполовину состоящим из пирожного, а он просит хоть немножечко щей. Ах, как хочется «наварить» густых, содержательных, ароматных информационных щей».

И еще в одном месте находим его размышления о жанрах:

«Информация — это черный хлеб газеты. Трудный, но необходимый». Вот таким истинным тружеником газеты, не боящимся любой черновой работы, предстает перед нами Петр Александрович Лидов.

Талант военкора особенно раскрылся при подготовке и написании ставших теперь хрестоматийными очерков о Зое Космодемьянской, которой было вскоре присвоено звание Героя Советского Союза. Он первым рассказал на страницах «Правды» о ее подвиге, и благодаря ему народ узнал имя отважной героини.

Вот он, знаменитый лидовский очерк «Таня», опубликованный в газете 27 января 1942 года. А спустя три недели, 18 февраля, Петр Лидов публикует второй очерк — «Кто была Таня».

«Я ехала в трамвае в тот день, когда была напечатана в «Правде» статья Петра Лидова «Таня», — вспоминала мать героини Любовь Тимофеевна Космодемьянская. — Газету я еще не читала, но слышу, все говорят: «Таня, Таня» — и рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась, вспомнила Зою: как там она на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, хоть бы она была так же сильна, как эта чудесная Таня. А потом оказалось, что Таня это и есть моя Зоя...»

Много взволнованных, ярких откликов пришло тогда в «Правду» и непосредственно автору. Один из них, поступивший с Северо-Западного фронта, и был напечатан в «Правде» 8 марта 1942 года:

«Сейчас ночь, темная и грозная. Нас пятеро командиров Красной Армии. Сидим мы в землянке. Бой давно стих, а с рассветом он начнется заново. Нам бы поспать, но спать невозможно. Все мысли о прочитанном. Никогда ничего не читали мы так страстно, так горячо».

И только спустя десятилетия мы узнаем из записей Петра Лидова о том, с какой тщательностью работал он над материалами.

— Я считаю, что триумф «Тани», — писал в редакционной газете «Правдист» Петр Лидов, — это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль —

это скромная роль репортера, протоколиста событий, который, по рассказам очевидцев, добросовестно и пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини. Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста, не запасшегося достаточным количеством добротных фактов».

Известный публицист Емельян Ярославский утверждал в сборнике «Правда» в дни Великой Отечественной войны», что «такие документы, [82] как очерки Петра Лидова «Таня» в «Правде» от 27 января и «Кто была Таня» от 18 февраля 1942 года, войдут в хрестоматию, в которых мы расскажем всем будущим поколениям о прекрасном образе героической дочери нашей Родины в дни Отечественной войны».

Приведем еще один из отзывов тех дней: «Если бы Лидов за всю войну написал только «Таню» и все материалы, связанные с ней, он бы выполнил свой долг перед народом, перед своей Родиной. Очерки о Тане прочитал весь народ. И как это всегда бывает, героиня, девушка-школьница, в силу и подвиг которой все поверили (так убедительно было об этом написано), начала облекаться во что-то легендарное, богатырское. В Тане увидели то бессмертное, то нетленное, то легендарное и великое, что есть в душе народа. Наш народ никогда не забудет и того, кто открыл нам Таню, — Петра Лидова». О Зое Космодемьянской журналист писал еще раз в номере фотогазеты Главного политического управления Красной Армии, вышедшем в октябре 1943 года. Здесь были воспроизведены снимки, которые в день казни Зои сделал фашистский палач, вскоре нашедший могилу под Смоленском.

Этот номер фотогазеты, сохранившийся до наших дней, Галина Яковлевна Лидова бережет как память. В ее домашнем архиве другие документы, фотографии мужа. На одной из них он запечатлен на Западном фронте вместе с легендарным полководцем Г. К. Жуковым. Тогда только что вышла маленькая книжечка Петра Лидова «Таня» и журналист вручил ее командующему фронтом.

Более тридцати лет проработала Г. Я. Лидова в отделе иллюстраций «Правды», сейчас на заслуженном отдыхе. Нередко приходят письма с просьбой рассказать о Петре Александровиче Лидове, и Галина Яковлевна отвечает многочисленным адресатам. Пишут пионеры и школьники, дружины которых носят имя правдиста.

Галина Яковлевна показывает одно из таких писем:

«Нашему отряду на торжественной линейке присвоено имя Лидова, — сообщают ребята из средней школы № 29 города Полтавы. — Нам дорого все, что связано с его именем, и хотелось бы подробнее узнать о его детских и юношеских годах, о работе военным корреспондентом «Правды». Просим помочь нам в поисках материалов...»
И она пишет им теплое письмо.

Вся жизнь спрессована в кратких, анкетных строках. Их дополняют строки из

характеристики, подписанной главным редактором «Правды» академиком П. Н. Поспеловым:

«Редакция посылала майора Лидова на самые важные участки, и он добросовестно и мужественно выполнял свой офицерский долг партийного журналиста. В дни героической обороны Москвы Лидов регулярно бывал на фронте, освещая на страницах «Правды» ход сражения за столицу. За время войны редакция командировала его на Западный, Сталинградский, Донской, Воронежский и Белорусский фронты. Лидов на страницах «Правды» рассказал советскому читателю о боевой выучке и боевых делах чехословацкой части, сформированной в СССР».

Как память о тех днях хранится в семье Лидовых книга «От Бузулука до Праги», которую прислал бывший в то время президент ЧССР генерал армии Людвик Свобода с дарственной надписью в память о Петре Лидове. Адресуя ее дочери правдиста, автор оставил запись на титульном листе: «Наташе Лидовой. С приветом к Вам и с глубоким уважением к Вашему дорогому отцу и моему боевому другу Петру Лидову. Ваш генерал Людвик Свобода».

Знали Петра Лидова в польской дивизии имени Костюшко и в эскадрилье «Нормандия — Неман», о которых взволнованно не раз писал в «Правде».

Последней командировкой журналиста стала Полтава. Здесь базировались американские «летающие крепости», а журналист хотел рассказать об их буднях. Но в день прибытия Петра Лидова на аэродром налетели вражеские «юнкерсы», началась бомбежка.

Военный корреспондент Петр Лидов погиб 22 июня 1944 года, готовя материал для газеты. На могиле журналиста стоит монумент солдатской славы, у которого лежат цветы. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленные при этом доблесть и мужество майор П. А. Лидов был награжден орденом Отечественной войны первой степени. Его имя золотом высечено на мраморной доске в редакции «Правды» среди имен журналистов, не вернувшихся с войны. И сегодня живет имя правдиста — коммуниста майора Петра Лидова. [83]